

Мы устали. Устали от многого. От вздорных предсказаний, от злобещего карканья не меньше, чем от лживых посулов. Разочарованные, забываем об истинных пророках; они не обещали небо в алмазах, но и не стращали небом в овчинку. Постигали недоступное государственным мужам и простым смертным. Проникали в подпочвенные глубины времени, вслушивались в завывание ветра, ловили биение далеких сердец. Они не составляли таблицы и графики, не сыпали цифрами и не сокрушали процентами. Жизнь являлась им картинами — порой причудливыми, на границе абсурда и фантазии. Но сквозь эти картины, сквозь сочетание линий, красок, образов, сквозь хитросплетение сюжета проступало грядущее, что упрямо тянулось из прошлого. Проступало во всей своей неотвратимости.

Я говорю сейчас не о хрестоматийных именах, знакомых со школьной скамьи, но о современнике, только что покинувшем нас. И это, может быть, единственная к нему претензия. Если допустимо упрекнуть творца в том, что он физически смертен. Я говорю о великом художнике Тенгизе Абуладзе.

Его «Покаяние» — сурово достоверное и мистически беспредельное — обнажило роковую связь новых времен.

Восемь лет назад, потрясенный первыми впечатлениями от фильма, я поставил его рядом с Чаплинским «Диктатором». Минувшие годы подтвердили эту близость, сказавшуюся не только в силе художественного воздействия, но и в его направленности, коль можно так выразиться. Обе ленты предостерегали от попрания личности. Им начинается любая диктатура, тоталитаризм любой разновидности. От сталинско-гитлеровского до... Нет никакого «до». Варлаам способен возродиться в сыне, благо-

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

денствующем в постварламовские времена.

«Покаяние» восторженно разобрали на цитаты, приводя слова и напоминая сцены, не переставая восхищаться мудростью и богатством творческого воображения, пробужденного чудовищными злодеяниями XX века. Но в цитировании мы по обыкновению преуспели больше, чем в приобщении к сокровенному смыслу слов и сцен. Анатомирование прошлого заворачивало сильнее, чем мысль о неумолимом будущем. Неумолимом потому прежде всего, что полный расчет с минувшим, самым мерзким в

нем не состоялся. Ни тело, ни дело Варлаама похоронены раз и навсегда. Короткая память и гибельная готовность амнистировать за не подлежащее амнистии взяли верх над истинной пронзительностью, дальновидностью и человечностью. Но и тем, что неуступчиво отстаивал гуманист Абуладзе. А слово, вынесенное в название его фильма, пустили в распыл, в бездумный обиход.

Постижима ли трагедия художника, чей триумф стал таким же фактом жизни, как и разгул темных сил, о которых он предостерегал?

Постижима ли народная трагедия, разыгравшаяся апрельской ночью на берегу Куры или октябрьским днем на берегу Москва-реки? Сквозь «прозрачные» границы течет кровь, размывая дорогу к храму, однако позволяя, не посягнув на чей-либо суверенитет, сказать об Абуладзе: пророк в своем, то есть все еще нашем отечестве. Ибо фильм его не из «грузинской жизни», как пытался кое-кто уверить, но из нашей сообща прожитой и сообща мучительно изживаемой.

В. КАРДИН.

Тенгиз АБУЛАДЗЕ:

«Я НЕ МОГ ПРИКОСНУТЬСЯ К ПРОСЛАВЛЕННОЙ ЛЖИ»

Для меня судьба Баратели (героя «Покаяния») — преклонение перед подвигом интеллигенции. Перед теми, кто не склонил головы, не продался за чечевичную похлебку. В Тбилиси улицы названы именами режиссера Сандро Ахметили, дирижера Евгения Микеладзе... Это цвет и гордость нации, ее духовное и гражданское оправдание. И они были названы врагами народа, погибли в тридцать седьмом.

Когда творец признает высший смысл жизни, высшие нравственные и духовные ценности — его искусство является религиозным. В широком понимании религиозности.

У грузин есть такое выражение: «поется мне, вот и пою». Нечто подобное испытываю и я, когда созревает идея будущего фильма, и начинаешь внутренне настраиваться на новую работу. Вне глубокой волнующей философской мысли нет подлинного произведения искусства. А эта волнующая мысль у художника уходит корнями в острые ощущения, большие чувства и страсти. С этого все начинается. Творчество берет нача-

ло с определенного отношения художника к жизни, с четкого осмысления его идейных и творческих позиций. Когда всем твоим существом овладевает то, что ты намереваешься сказать зрителям, тогда и становится неодолимой потребностью создание фильма.

Если я пойду против совести и задумаю сделать фильм из соображений материальных или карьерных, у меня просто ничего не получится, как бы я ни старался. Помню, много лет назад, когда я только окончил ВГИК, получил «лестное» предложение. Меня привител тогдашний грузинский «классик» Константин Гамсахурдия. Думаю, что мало кто сегодня знает его имя, а тем более произведения. Но в годы сталинщины он был обласкан властями. Мне экранизация его творений сулила безбедную жизнь, официальный успех и другие почести. Но я не мог прикоснуться к этой прославленной лжи. И тогда я уже интуитивно понимал, что однажды солгав, мне будет уже трудно, а, может быть, и невозможно сказать правду в искусстве. Мне кажется, что нельзя навстречу во времени свою честность и порядочность.

растение, которое требует тепла, любви, ухода. Грубость и жестокость губят ее.

К своим картинам я отношусь по-разному: к одним с сомнением, к другим, бывает, и с гордостью. На сегодняшний день меня больше других фильмов привлекает «Мольба», «Древо желаний», «Покаяние». Мне кажется, что в трилогии я смог сказать то, что должен был сказать. Сегодня я смотрю другими глазами на все, что я делал, что было раньше. Конечно, я не отрекаюсь от моих прежних картин — удачные или неудачные — это мои дети.

Но дети вырастают, меняются; бывает, из гадких утят превращаются в белых лебедей. А фильм остается каким был, а мое миропонимание стало уже другим. И недостатки фильма становятся особенно очевидными. Чувство стыда, чувство неудовлетворенности совершенно необходимы художнику. Это как постоянная дорога к совершенствованию.

Очень жаль, что у нас не знают Библию. Это мудрая книга. Там обобщен многовековой опыт человечества. И только недалекие люди видят в Библии лишь пропаганду религии.

Религия прежде всего подразумевает

Единственная реальность бытия — идеальное. Ведь красота, как тепличное

высокую нравственность. Осознанное признание тех этических постулатов, которые Моисей и христианство выразили в десяти заповедях. Эти постулаты не утратили своего значения и сегодня

Мы всегда пожинаем последствия того, что из нас так долго вытраивали терпимость и доброту. В «Мольбе» на почве религиозной вражды как свинью зарезали человека. В «Древе желаний» безвинная девушка Марита — жертва «доброжелателей», ославленная на всю деревню и погибающая. А в «Покаянии» жертва — целый народ. Все мы виновны в том, что был Варлаам и ему подобные, что живет и сегодня его сын Авель. Пока он сам не выбросит труп отца на съедение воронам, ружье Варлаама будет стрелять. И мы по-прежнему будем терять людей, ставших жертвами его теперь не живой, но все еще живучей силы.

Самый большой грех — страх. Человек, скованный страхом, умирает, даже если физически продолжает жить. Вот почему нам всем было жизненно необходимо покаяние.